

• АНДРЕЙ •

ДОБРОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР
ГИЛЯРОВСКИЙ И ДУРОВ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Андрей Станиславович Добров
Смертельный номер.
Гиляровский и Дуров
Серия «Владимир
Гиляровский», книга 2
Серия «Интересный детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628892

Смертельный номер. Гиляровский и Дуров : Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-83871-4

Аннотация

Цирк Соломонского на Цветном бульваре готовит новогоднее представление. Шоу обещает быть незабываемым – на пороге новый, XX век! Но в цирковом закулисье переполох: кто-то нарисовал на афише череп и кости... Этот знак – как черная метка – не сулит ничего хорошего. Иллюзионист Гамбрини обвиняет в произошедшем известного дрессировщика Владимира Дурова. Гиляровский решает вступить за своего знакомого и распутать это дело. Дуров рассказывает ему давнюю историю о череде загадочных смертей, произошедших в цирке прямо на арене. Каждой из них предшествовал уже известный символ – череп и

кости. Но кто же он – этот злой клоун, устроивший воистину смертельный номер?

Содержание

Вступление	6
1	7
2	19
3	31
4	42
5	55
6	68
7	76
8	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**Андрей
Станиславович Добров
Смертельный номер.
Гиляровский и Дуров**

© Добров А., текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2015

*Моей маме Галине Михайловне Добровой с
благодарностью.*

Вступление

Все описанные события являются плодом фантазии автора и никакого отношения к реальным историческим личностям не имеют.

Я верю, что Вселенная бесконечна и бесконечно разнообразна, а потому в ней может существовать все, что мы способны придумать – от самых розовых сказок до самых страшных кошмаров. И где-то там, в бесконечной дали, безусловно, существует планета, которую местные жители называют Землей. А на той Земле есть Российская империя. И есть древняя столица Москва, жители которой сейчас готовятся встретить Новый год и новый – двадцатый век. До него осталось всего две недели – подготовка к празднику в разгаре. И там, далеко-далеко, сейчас «король репортеров» Владимир Алексеевич Гиляровский подумывает, как бы сбежать из своей квартиры, чтобы его не заставляли наряжать елку и заниматься домашними предпраздничными хлопотами. Наконец, заявив жене, что он собирается сходить на рынок за... за кое-чем необходимым, Гиляровский надевает теплое пальто, свою каракулевую папаху и стремительно выходит за дверь...

1

Цирк Саламонского

Надо было срочно выбираться из этого ада! Положительно, все женщины сходят перед Рождеством с ума. Если бы жители Москвы в эти предрождественские дни внезапно онемели, шума не стало бы меньше – звон и грохот перемываемой посуды, шарканье щеток по паркету, грохот выбиваемых на улице, на снегу, ковров и половиков – и еще тысячи звуков женской армии чистоты и порядка, в котором мужчины – существу естественно неприхотливому, просто нет места. А потому – папаху на голову, пальто на плечи – обмотав горло теплым шарфом, я выскочил на наш Столешников переулок и зашагал в сторону Тверской. А ведь до праздника еще целая неделя! Но по старой традиции, женщины старались вычистить нашу жизнь до блеска, чтобы потом, обернув ее бумагой, укутав покрывалами, спрятав в ящики шкафов и комодов, сохранить эту идиллию вплоть до того момента, когда ты, чиркая спичками, не начнешь зажигать свечи на купленной втридорога на базаре Театральной площади ели.

До улицы эта суэта еще не дошла. Через несколько дней и здесь будет уже не протолкнуться от сотен экипажей и тысяч несчастных отцов семейств, нагруженных свертками с подарками и снедью. Но пока все было еще спокойно – су-

мерки, легкий снег, приглушенный топот копыт по снегу на мостовой, иногда – визг полозьев там, где снег вопреки предписанию городского начальства посмел обнажить островки булыжника, привычный зимний запах угля и дров, сгоравших в печах и каминах, крики извозчиков, и – внезапно – музыка оркестриона из открывшихся дверей кабака. Обычная симфония зимней Москвы.

В книжных лавках уже торговали рождественскими яркими открытками – с непременными волхвами, приносящими дары Младенцу. Младенец был по-русски светловолосым, кудрявым и пухлым. С этими открытками соперничали другие – новогодние, на которых похожий младенец, только в синей шубке и красной русской шапочке, с цифрой 1900 на груди, принимал посох из рук белобородого старика с цифрой 1899. Витрины магазинов украшала нарисованная римская цифра XX – по наступающему веку, отчего остряки называли будущее столетие Ха-Ха, считая, что оно принесет много веселья и радости и будет вообще много приятней уходящего века, отмеченного войнами и катастрофами. Этому должны были поспособствовать и удивительные новинки прогресса – телефоны, автомобили и управляемые аэростаты. Почитав журналы, можно было легко представить себе, что человечество вот-вот оставит грешную землю, чтобы жить в воздухе наподобие то ли ангелов, то ли голубей.

Но пока оно все так же обреталось на земле. Земле, каждый день заметаемой снегом последней зимы девятнадцато-

го века.

Я прошел вверх по Тверской до бульваров, а потом спустился к Цветному. Весной и осенью по его центральной аллее нельзя было пройти, не испачкав галош в грязи, но теперь притоптанный снег, посыпанный песком, делал этот путь вполне проходимым.

Быстро стемнело, снег перестал, на тротуаре зажглись фонари. Я шел спокойно, помахивая тростью с большим круглым набалдашником. Она досталась мне два или три года назад от покойного ныне доктора Воробьева – прямо скажу – не по его воле. Вдруг внимание мое привлек ярко освещенный вход цирка Саламонского. А вернее – человек, стоявший у афиши, наклеенной справа от больших дверей цирка.

Небольшого роста, одетый в шубу, с большой меховой шапкой на голове, этот господин яростно размахивал руками и громко ругался.

Я подошел поближе и поднялся по ступеням. Афиша была нарисована ярко, с выдумкой и рекламировала рождественское представление – среди цветов, непременно слонов и скачущих лошадей обтянутая трико акробатка выгнулась дугой, ногами и руками опираясь на верхушку разукрашенной ели. Но не ее ладная фигурка привлекла меня – как привлекла бы в другой раз. А грубо намалеванные черной краской прямо на лице женщины череп и кости!

– Мерзавцы! – возбужденно кричал господин в меховой шапке, с хорошо различимым восточным акцентом. – Чер-

товы дети!

– Действительно, что за вандализм! – поддержал я его.

Человек обернулся ко мне. У него были черные глаза и выдающийся горбатый нос.

– Что вы понимаете! – крикнул он мне. – Вандализм! Если бы это был вандализм! Что вы лезете?

– А вы не кричите, – сказал я спокойно. – Может, я что-то и не понимаю, но, по мне, так вот это, – я указал тростью на рисунок черепа, – и есть настоящий вандализм.

– К черту ваш вандализм!

Нет, этот субъект положительно старался вывести меня из себя! Мое душевное равновесие, с таким трудом установившееся после прогулки, начало разрушаться. Я уже собирался ответить резко, выплеснуть накопившееся раздражение, но тут дверь цирка открылась, и оттуда вышел плотный мужчина лет сорока в пальто и английской кепке с ушами. Ухоженные усы были густыми и темными – он наверняка подкрашивал их, чтобы скрыть седину, которая у меня пробивалась уже давно. Лицо этого нового господина показалось мне смутно знакомым. На человека в меховой шапке появление этого нового участника событий произвело эффект небывалый.

– Вы! – крикнул он, брызнув слюной. – Вот! Любуйтесь! Смотрите-смотрите!

Человек в кепке остановился и посмотрел на афишу.

– Ну?! – спросила шапка.

Человек в кепке склонил голову вбок и пожевал губами.

– Вижу, – сказал он негромко. – Ну и ну.

– А! – торжествующе возопила шапка. – Вы не удивлены?

Нет! Я же вижу, вы не удивлены!

– Может, это шутка? – неуверенно спросила кепка.

– Шутка? – взвился чернявый. – Вы это говорите мне?

Мне?! Шуточка! Шуточка! Может, это вы так пошутили? А?

Человек в кепке быстро взглянул на кричавшего:

– Перестаньте, Гамбрини, с чего мне так шутить?

– С того, что вы мне завидуете и хотите моей гибели!

– Да бросьте!

Названный Гамбрини раскрыл рот и глубоко задышал.

Мне показалось, он сейчас бросится на человека в кепке, и я уже приготовился оттаскивать этого сумасшедшего. Но он вдруг быстро повернулся к афише, схватил ее за краешек и рванул. Большой кусок, где как раз был намалеван череп, с треском оторвался. Бросив его на землю, Гамбрини несколько раз топнул по нему ногой, а потом пнул этот испачканный обрывок прямо в ноги кепке.

– Что вы делаете! – растерялся тот.

– Вот вам ваши шуточки!

Человек в шапке протиснулся мимо кепки и скрылся в цирке.

– Сумасшедший, – сказал его собеседник и посмотрел на меня.

– Простите, – сказал я.

– Вы – друг Гамбрини? – спросил человек в кепке.

– Нет. Просто проходил мимо. Меня зовут Гиляровский.

Владимир Алексеевич.

Он пожал плечами.

– Я журналист.

Тот помрачнел.

– Ищете сенсаций? – спросил он холодно.

– Гуляю.

Ни слова не говоря, человек в кепке неприязненно кивнул и начал спускаться по ступеням к бульвару. Подобрал обрывок афиши, я сложил его и сунул в карман, а потом последовал за ним.

– Пойдите! – крикнул я ему в спину.

Человек остановился, но не обернулся ко мне. Сбежав на несколько ступеней вниз, я настиг его.

– Простите мое любопытство, но что тут произошло?

– Что?

– Этот череп... Почему тот господин так разволновался?

– Прошу меня извинить, – твердо сказал человек в кепке. – Но это наше внутреннее дело.

– Ваше лицо показалось мне знакомым. Вы работаете в цирке?

– Да.

– Я тоже раньше работал в цирке.

Он взглянул на меня.

– И что?

Я удивленно посмотрел на него.

– Как – что? Я – человек не чужой в цирковом братстве.

Он смерил меня оценивающим взглядом, потом коснулся пальцами в перчатках полей своего котелка.

– Дуров.

– О! – сказал я с восхищением. – Тогда я вас знаю!

Он склонил голову.

– Вы – Анатолий Дуров!

Дуров поморщился, как будто проглотил лимон.

– Анатолий – мой брат. Я – Владимир Дуров. Прощайте!

И он энергично зашагал в сторону Божедомки. Но я не отставал.

– Простите, ради бога!

– А говорит, что цирковой, – донеслось до меня обиженное бормотание.

– Господин Дуров! Что означают эти череп и кости?

Дуров резко остановился и повернулся ко мне.

– Смертельный номер, черт побери! – раздраженно сказал он. – Вы и сами должны были бы знать, господин цирковой журналист или кто вы там есть. Простите, я устал и хочу домой!

Он снова отвернулся и ускорил шаг.

Я решил больше его не догонять – всем своим видом Дуров показал, что не хочет более ни секунды общаться со мной. Что же! И я навязываться не буду, тем более что в Москве было место, где я мог найти ответ на заинтересовав-

ший меня вопрос. Выйдя к мостовой, уже освещенной фонарями, я нашел дремлющего на санках «ваньку», разбудил его и велел везти меня в Брюсов переулок, где тогда располагался трактир, в котором собирались цирковые артисты. Между собой они называли его «Тошниловкой» – по качеству дешевой еды, впрочем, достаточно дешевой, чтобы привлекать всех, у кого в кармане копеечка грызлась с копеечкой.

Низкорослая деревенская лошадка усталой рысцой потащила санки в сторону Трубной, оттуда мы свернули на Петровский бульвар, пересекли Тверскую под задумчивым взглядом Александра Сергеевича. «Легковые» покрикивали на моего «ваньку», сердясь на мужичье, которое каждую зиму заполняет Москву своими убогими санками, отбивая клиентов низкими ценами. Но тот, видимо, привыкший уже к такому обращению, не отвечал, а только поддегивал вожжами.

Наконец я вышел у нужного дома, расплатился и зашел внутрь.

Низкий потолок «Тошниловки» был закопчен гарью свечей, стоявших на столах. Бутфетчик подремывал на стуле у стойки – гостей обслуживал один только половой, которого слегка покачивало от выпивки – небось отпивал из рюмок, прежде чем поднести их клиентам. В другом месте такого «умельца» давно бы уже погнали из трактира, но тут публика была неприхотливая.

Я постоял у двери, где на вбитых в длинную дубовую дос-

ку гвоздях висела верхняя одежда посетителей, отыскивая взглядом, к кому бы обратиться. В зале сидела публика, примечательная своей бледностью, худобой и пестрой одеждой – некоторые являлись прямо с представления, не снимая костюма. За одним из столиков, например, собралась компания «рыжих» клоунов с одним «белым», которого накачивали водкой – вероятно, празднуя именины или удачный контракт. Наконец я заметил за дальним столиком своего старого знакомого – дряхлого годами Сидора Перепелкина, служившего шпрыхшталмейстером при шапито еще в середине века. Тогда он был еще статным дородным мужчиной, получившим от артистов прозвище Статуй. Но сейчас ему перевалило уже за восемьдесят – по цирковым меркам это был мафусаилов возраст. Статуй расплылся, зарос желтой прокуренной бородой. Вместо густого зычного баса говорил он теперь хриплым надтреснутым голосом. Но и теперь еще он кормился от цирка – став кем-то вроде антрепренера. К нему приходили сюда, в «Тошниловку», чтобы заказать актеров на выступления в частные дома или летом на загородные дачи по случаю праздников. Злые языки поговаривали, что речь в основном шла о молоденьких актрисах, которые получали гонорары не только за цирковые номера, но и акробатику иного рода.

Подсев к старому шпрыхшталмейстеру, я заказал водки – себе и ему, поздоровался и повел издали – спрашивая про здоровье, погоду и обсуждая наступление нового века. И то,

и другое, и третье старик ругал. Наконец я сказал:

– Хочу спросить у тебя совета, Сидор Прокопьевич. Взгляни-ка на это.

Я вытащил из кармана обрывок афиши, развернул его и положил на стол. Старик покосился на него и поморщился:

– Снова балуют!

– Что же это означает?

– Смертельный номер.

Я пожал плечами. Те же слова сказал мне и Дуров, но ничего необычного в них не было – смертельными номерами в цирке обычно называли опасные трюки, предлагая дамам и особо нервным господам удалиться. Конечно, никто не удалялся – предостережение и барабанная дробь придавали номеру особенное звучание, повышали интерес публики – но и только.

– Значит, смертельный номер? И больше ничего?

Статуй посмотрел на меня из-под лохматых бровей:

– Лет пять или семь тому, на Цветном это было, у Альберта Ивановича история на всю Москву гремела.

– Вот как?

– Не слышал? Странно.

– Может, меня в Москве не было? – предположил я. – Мимо меня прошло. В чем там дело-то было?

Сидор Прокопьевич выпил свою рюмку, вытер усы старческими пальцами:

– А дело было так. Кто-то начал рисовать на афишах че-

реп с костями – как вот этот. И как нарисуют – так на представлении артист погибает. Черт-те что! Шутил кто-то? А? Или не шутил? Какие тут шутки, если человеку – смерть?

– И много погибло?

Старик задумался.

– Ну, не так чтобы и много. Человек пять... Или шесть.

– Ничего себе! – удивился я. – И выяснили, в чем дело было?

– Нет. Все само собой успокоилось.

– И полиция не раскрыла?

Статуй презрительно поморщился:

– Тю! Полиция!

Пока я молчал, обдумывая услышанное, старик скрутил из куска газеты «козью ножку» и задымил так густо, что черты его лица почти скрылись в дыму. Потом кашлянул и постучал пальцем по обрывку:

– Стало быть, снова началось. Опять артистам погибать.

– Может, на этот раз просто дети пошутили? – предположил я.

– Эге! – покачал головой Статуй. – Вот увидишь. Примета верная!

Домой я вернулся уже совсем ночью, пешком. Осторожно отпер дверь и убедился, что все спят. Пройдя в гостиную, я зажег лампу и принялся было за свои блокноты, но предостережение старика шпребхштальмейстера все еще звучало у меня в ушах. Да, эта история могла бы стать основой для хо-

рошей истории – но уж лучше бы никто не погиб.

Впрочем, моей надежде было не суждено сбыться.

2

Смертельный номер

Кутерьма снова началась в нашей квартире прямо с утра – к Маше пришла сестра, и они, усевшись вместе с прислугой на кухне, начали чистить серебро, а мне поручили сходить купить керосину для протирки мебели и зубного порошка. Но не успел я одеться, как в дверь позвонили. Я, держа рукой бидон для керосина, открыл дверь и увидел на пороге Владимира Дурова.

– Доброе утро, – сказал я ошарашенно. – Как вы меня нашли?

– Зашел в редакцию. Там дали ваш адрес.

– Простите, я сам собирался выйти на улицу, но если у вас ко мне дело, то – милости прошу.

– Нет, – ответил Дуров, – разговор у нас короткий, так что мы можем поговорить по дороге.

Я вышел вслед за ним, конечно, забыв в прихожей бидон. Снег, шедший всю ночь, перестал. Тучи снесло ветром, и солнце вовсю сияло на небе своим особым зимним светом, лучи которого были не горячими, а морозными. Дворники, закутанные в шарфы и старые пуховые платки, уже вышли с лопатами – чистить тротуары. Мы пошли рядом с Дуровым по скрипучему снегу – циркач казался хмурым и решитель-

НЫМ.

– Какое у вас дело ко мне?

Дуров остановился и повернулся в мою сторону.

– Я случайно узнал, что вы расспрашивали по поводу вчерашнего... казуса. И хотя тот случай ко мне никакого отношения решительно не имеет, я прошу... вернее, я положительно требую, чтобы вы прекратили и не вмешивались!

Он начинал меня сердить.

– Если вы, как говорите, никакого отношения к делу не имеете, то требование ваше мне непонятно. Эта история с черепом меня очень заинтересовала. Вчера я узнал, что подобные рисунки уже появлялись на афишах несколько лет назад и тогда представления заканчивались смертью артистов. И вы хотите, чтобы я теперь перестал интересоваться этим делом? С какой стати?

– Теперь это – не более чем чья-то злая шутка! – отрезал Дуров.

– Ваш вчерашний товарищ был другого мнения, – напомнил я.

– Артур? Гамбрини? Это его дело, в конце концов... впрочем, это неважно.

– Неважно что?

Дуров вскипел:

– Не надо меня ловить на слове, господин Гиляровский! Я просто требую, чтобы вы перестали совать свой нос в наши цирковые дела.

– И не подумаю!

– Тогда...

– Что? – оскалился я. – Помешаете? Как?

Дуров сдулся:

– Не знаю. Но... но я просто прошу вас. Не пишите об этом. Гамбрини – он теперь весь как на иголках. Почему-то решил, что это – моих рук дело, что я ему завидую и стараюсь запугать.

– Да с чего?

Дуров помялся, но потом выдавил:

– Потому что пять лет назад Гамбрини был третьим.

– Третьим?

– Третьим, кто должен был погибнуть. Понимаете?

– Нет, ведь вы мне ничего не хотите рассказать.

Дуров растерялся:

– Да как я вам расскажу? Ведь вы все сразу же и напишете.

Я вас, журналистов, знаю! Потом самого меня и выставите дураком.

Его прервал голос сзади:

– Господа хорошие! Вы бы подвинулись!

Я оглянулся – за нами стоял дворник с широкой жестяной лопатой.

Мы пошли дальше в молчании по уже расчищенному тротуару. Наконец я сказал:

– Хорошо. Предлагаю сделку. Я ничего не буду писать, пока досконально не разберусь в этом деле.

– Как я могу вам верить?

– Придется. Кроме того, вы можете навести обо мне справки – каков я.

Мы прошли еще немного.

– Да уж, – сказал наконец Дуров, – вы не оставляете мне выбора. Зайдемте в кофейню, я расскажу вам. Нет, не в эту, это наша, цирковая, там нас могут увидеть. Пойдемте лучше в Камергерский.

Действительно, мы остановились у кофейни на Тверской, где тоже собирались цирковые артисты, да только это была совсем другая публика – не та, что в «Тошниловке» – сюда приходили циркачи известные, состоятельные, которые снимали собственные квартиры, а то и имели даже дома. Дуров, опасаясь, что его узнают в моем обществе, быстро стал спускаться по Тверской в сторону Камергерского, а я пошел за ним. У МХТ со мной поздоровалось несколько знакомых актеров и актрис, что заставило Дурова удивиться.

– Однако! Вы человек известный?

Я пожал плечами, но мысленно щелкнул его по носу.

Наконец мы нашли приличное заведение и сели за столик, заказав завтрак.

– Итак? – спросил я, размешивая сахар в чашке кофе.

Дуров сгорбился на своем стуле.

– Это было пять лет назад. Цирк, в котором я служу и сейчас, переживал не лучшие времена. Альберт еще лично руководил труппой.

– Это который Альберт? Саламонский?

Дуров удивленно уставился на меня:

– Саламонский, конечно! Бывший директор цирка. Альберт Иванович Саламонский.

– Разве он уже не директорствует?

– Номинально. Сейчас он почти отошел от дел, оставив все на свою супругу Лину. Лину Шварц. Так вот. Дело было в мае. Однажды на афише кто-то нарисовал череп и кости. Поначалу никто не придавал этому значения – все подумали, что это баловство мальчишек или студентов. Но только в день представления разбился канатоходец Беляцкий.

– Поляк?

– Белорус. Но выдавал себя за поляка. У него был забавный номер – «Опасный пикник». Сначала ассистентка выносила на подносе серебряный бокал и большую бутылку. Беляцкий наливал из бутылки в бокал и давал попробовать нескольким зрителям в первых рядах. В бокале была водка. После чего Беляцкий забирался на проволоку, ставил на нее стул на две ножки, садился на стул и залпом выпивал всю бутылку. А потом вставал и, изображая пьяного, ходил по канату. Публика гадала – упадет он или нет.

– Он действительно был пьян в этот момент? – спросил я с интересом.

– Нет. В бутылке была простая вода.

– А как же он наливал из нее водку?

– Вся хитрость, – ответил Дуров, – в том, что в серебря-

ный бокал перед представлением наливали спирта. Когда Беляцкий доливал воду, она смешивалась со спиртом, и зрителям казалось, что он льет водку прямо из бутылки. А водка получалась при смешивании воды и спирта.

– А!

– Но только не в тот вечер. Беляцкий наливает из бутылки в бокал. Дает попробовать нескольким зрителям. В бокале – водка. То есть смесь спирта и воды. Потом он привычно лезет на проволоку, ставит стул, садится на него, балансируя, начинает пить и... И вдруг падает с каната на арену. Ломает шею. И умирает через час в страшных мучениях.

– Ого! Почему?

– А потому, – тихо ответил Дуров, – что кто-то поменял местами спирт и воду. Воду налили в бокал, а вот в бутылку Беляцкого – чистый спирт. При смешивании получилась та же водка – только чуть крепче. Но когда Петя Беляцкий начал лить себе в глотку чистый спирт, он не удержался и... вы понимаете. Мы потом видели эту бутылку. В ней еще оставалось немного спирта.

Я задумчиво погладил усы.

– Полагаете, – спросил я, – кто-то сделал это намеренно?

– Сначала все решили, что это чья-то ошибка. Ассистентки Беляцкого или самого артиста... Но потом решили, что это просто роковая случайность.

– А что ассистентка Беляцкого?

– Его родная племянница, девушка лет шестнадцати. Кра-

савица, умница, последняя из династии Беляцких. Да ни за что!

– Понятно.

– Так бы все и списали на случайность, если бы череп и кости не появились второй раз – уже через неделю. Кто-то сумел связать два события – появление черепа на афише и смерть канатоходца. К нему прислушались. И в театре началась пока еще тихая паника. Нет, никто не отказывался выступать, но все были подавлены и ждали несчастья.

– И несчастье случилось?

– Именно! Во время номера со львами дрессировщика Пашу Кукиса разорвал Самсон.

– Самсон?

– Лев. Помните – Самсон, разрывающий пасть льва? У Кукиса был номер – он как бы изображал Самсона, который разрывает пасть льву. У него вообще весь номер был поставлен по библейским мотивам. Ирония заключалась в том, что у льва была кличка Самсон. Мы еще шутили – Самсон разорвал пасть льву, а Паша Кукис – Самсону. И лев-то был хороший. И Паша – дрессировщик от Бога – я сам дрессировщик, так что поверьте мне. Паша работал с ним очень грамотно. И всегда все было хорошо. Как вдруг Самсона будто подменили – только Кукис подошел к нему, лев бросился и начал драть его. Пришлось стрелять прямо на арене. Самсон сдох, но успел Пашу порвать так, что к вечеру Кукис умер.

– Но разве такого не бывает, чтобы животное вышло из-

под контроля и набросилось на дрессировщика?

– Бывает, – вздохнул Дуров, – но в данном случае... Не может быть агрессии без причины. А тут не было никакой причины для того, чтобы Самсон бросился на Пашу. Никакой – поверьте мне и в этот раз.

– Вы тоже дрессируете львов? – спросил я с уважением.
Дуров кашлянул.

– Нет. Других животных. Неважно. Принципы дрессуры одинаковы. Но – к делу. Итак, после этого случая все уже были уверены – тут происходит что-то ужасное. И когда появился третий череп на афише, несколько артистов отказались выходить на арену. Однако Саламонский пригрозил им, что они больше никогда не смогут работать в его цирке.

– Это помогло?

– В общем... да. Хотя люди ужасно были напуганы, случались и истерики. Особенно у Артура. У Гамбрини.

– Он итальянец?

Дуров усмехнулся:

– Он такой же итальянец, как я – эфиоп. Артур – армянин. Артур Гарибян. Гамбрини – его псевдоним. Прекрасный иллюзионист, но как человек... У Гамбрини есть пунктик – он страшно боится за свои трюки – как бы кто не украл секреты. Мы все стараемся хранить тайны особо эффектных трюков, но у Артура это – просто мания. Вы уже могли заметить, что Гамбрини – человек очень вспыльчивый, нервный. Это хорошо для его работы, но совершенно невыносимо при лич-

ном общении. Почему-то... он уже тогда вбил себе в голову, что я охочусь за секретами его трюков.

– Странно, – заметил я, – вы дрессировщик, он – иллюзионист. Это разные профессии.

– Ну, – покачал головой Дуров, – профессии, конечно, разные, однако каждый из нас старается использовать в своих выступлениях что-то новое. Часто – из смежных цирковых профессий. И это не так уж и сложно, потому что в юности многие из нас пробовались и в клоунаде, и в дрессуре, и в иллюзионе.

– Вы тоже?

– Да. Я и сейчас совмещаю клоунаду и дрессуру. И некоторые навыки иллюзиониста. Видите ли, я дрессирую животных без привычной для цирка жестокости – в основном используя их рефлексy.

– Рефлексы?

– Да! Это очень интересно, и я могу рассказывать часами о рефлексах, тем более что вы как раз не принадлежите к миру современного цирка, так что можно не бояться за свои секреты.

Он добродушно улыбнулся в усы – впервые с нашей вчерашней встречи.

– Очень часто я держу в руке угощение для своего четвероногого артиста. Он выполняет трюк и получает его, но зритель не должен этого видеть – для него животное должно быть как бы разумно само по себе. То есть я использую ма-

нипуляцию – и не только таким простейшим образом.

– Понятно. Так что Гамбрини?

– Артур начал распускать слух, что это я рисовал череп и кости – он будто бы застал меня за этим занятием. Ложь, конечно, бред! Но я имел несколько весьма энергичных разговоров с артистами. И даже с самим Саламонским.

– Так что случилось на представлении?

Дуров пожал плечами:

– Непонятно. Перед началом Артур по своей привычке лег вздремнуть в гримерной на кушетку. Так он сказал. Он обычно спит полчаса, для того чтобы освежить силы. Проснулся от сильного запаха паленого волоса и с криком «Пожар!» выскочил в общий коридор.

– Действительно был пожар?

– Нет. Большого пожара не было. Хватило ведра воды. Похоже, что от сквозняка свечка упала со стола и подожгла кушетку. Но Артур уверял, будто это было покушение – его собирались сжечь. И будто бы череп с костями имел к этому прямое отношение.

– А в тот вечер кто-нибудь погиб? – спросил я.

– Никто больше не погиб. И череп больше никогда не появлялся на афише. Вплоть до вчерашнего вечера.

– Так-так... – задумчиво пробормотал я, – все это очень странно. А главное, последний случай вообще не похож на попытку убийства. Впрочем, и первые два – тоже. Ведь если бы не череп на афише – показались бы вам эти смерти на-

столько странными?

Дуров отодвинул пустую чашку и пожал плечами.

– Конечно. Артисты не погибают так часто. Хотя, должен признаться, в каждом случае смерть выглядит случайной, не преднамеренной. А в случае с Гамбрини я вообще сомневаюсь...

– Думаете, это не было поджогом? – спросил я.

Дуров снова пожал плечами.

– Знаете, – сказал я, – я более чем уверен, что на Гамбрини никто не покушался.

– Почему?

– Нет никакой логики. Давайте предположим, что некто действительно устраивает смертельные номера другим артистам, предварительно извещая их и публику нарисованным на афише черепом. Гибель происходит на арене, при стечении публики. А кушетка Гамбрини загорелась в примерной, далеко от взглядов публики. Да еще и задолго до начала представления. Не так ли?

– Так. Но почему третий череп не закончился гибелью артиста?

– Не понимаю, – признался я.

– В любом случае, – сказал Дуров, – увидев вчера этот знак на афише, Гамбрини почему-то решил, что кошмар пятилетней давности вернулся. Видимо, его мозг попал в старую колею, и он снова подозревает меня. Опять ходит и распускает самые дурацкие слухи. Слава богу, теперь в них ни-

кто не верит. Но мне бы не хотелось, чтобы история вышла за пределы цирка – одно дело артисты, которые хорошо помнят обстоятельства той истории. А совсем другое – московская публика, которая любую глупость подхватит, раздует и так извратит, что мне потом придется бежать в провинцию и скитаться там по шапиту. И это сейчас! Когда я... Впрочем, это неважно, – осекся Дуров.

– Я дал вам слово молчать, пока не разберусь в этом деле, – сказал я, – но все остальные репортеры такого слова не давали. Так что, если нынешний череп – не шутка, не озорство подростка, если действительно произойдет несчастный случай или, не дай бог, убийство, гарантировать вам молчание прессы я не смогу.

– Что же делать! – с горечью воскликнул Дуров так громко, что на нас оглянулись половые.

– Ну, для начала я хочу познакомиться с Гамбрини. У меня есть сомнения на его счет.

– Какие?

– Всему свое время. Где я могу его найти?

Дуров пояснил мне, что Гамбрини обычно репетирует на своей квартире, куда он не пускает никого. Но сегодня вечером он выступает в «Новом Эрмитаже» на Каретной.

Кажется, я оставил Дурова в состоянии полной подавленности и отправился в аптеку за зубным порошком. Про керосин я, конечно же, совершенно забыл.

3

Концерт в Эрмитаже

Этим же вечером я отправился на угол Петровки и Каретной. Конечно, «Новый Эрмитаж» не шел ни в какое сравнение с Эрмитажем старым, который располагался в восьмидесятые на Самотеке – с его прудами, садами и фантастическими декорациями Лентовского – ныне совершенно разоренного и угасающего старика. Эрмитаж новый был много меньше по размерам и скромней по оформлению. Открыл его всего шесть лет назад Яков Васильевич Щукин, и от бывшего парка он заимствовал, пожалуй, только имя. Впрочем, и в новом парке было чем гордиться – в первую очередь, конечно, зданием Народного общедоступного театра, того самого, в котором пару лет назад я пережил незабываемые минуты, наблюдая Шаляпина в роли Бориса Годунова! Но этим вечером я шел не в театр, а в расположенный поблизости ресторан, где Щукин организовал сборный концерт, включавший и выступление «знаменитого итальянского иллюзиониста Артуро Гамбрини». Публики, впрочем, было немного – москвичи перед Рождеством спешили доделать свои дела. Меня посадили за столик неподалеку от эстрады, украшенной живыми цветами и небесно-голубым задником с изображением почему-то итальянского побережья. Заказав котлету

по-киевски, картошку с лисичками и небольшой графинчик водки, я лениво наблюдал за начинающей певицей N, выступавшей недурно, но старавшейся привлечь внимание публики скорее глубиной и насыщенностью своего декольте, чем голоса.

Девицу сменили американские индейцы с песнями и плясками своей родины. Одетые в перья и бусы, они завывали дикими голосами и плясали, как пьяные извозчики. Впрочем, возможно они и действительно были пьяны – эта труппа краснокожих месяц назад приехала с гастрольями в Москву из Санкт-Петербурга, куда их занесла кривая гастрольная дорожка. В Первопрестольной они поначалу произвели фурор, а потом индейцев растащили по кабакам разные любители экзотики, приучили их пить горькую – труппа теперь собиралась только чтобы заработать немного денег на выпивку. Говорили, что скоро у них кончатся паспорта и индейцам придется возвращаться домой, в Северную Америку. Впрочем, я был уверен, что не все из них снова захотят увидеть свои прерии и каньоны. Или где там ныне обретаются их несчастные племена, потесненные цивилизацией?

Зал постепенно заполнился. Только за моим столом оставались еще стулья. Но тут подошел метрдотель и спросил – не соглашусь ли я пустить за стол вновь прибывших посетителей, которым не хватило места? Он указал на пару – старика с седой округлой бородой и очень милую девочку в бежевом платье.

– Конечно, – ответил я.

Подошедший старик отодвинул стул, чтобы девочка могла сесть, а потом уселся и сам.

– Благодарю, – сказал он мне, – вот, внучка затащила. Хочет посмотреть на настоящих индейцев. Еле успели!

Девочка вытянула свою спинку в струнку, заворуженно наблюдая за ужимками пьяных краснокожих. Святая невинность!

– Могу я предложить вам рюмочку? – спросил я. – Для примирения с общей атмосферой, так сказать?

– Не откажусь, – кивнул старик.

Мы чокнулись и выпили. Индейцы сели на эстраде в круг и затянули печальную протяжную песню.

– Нравятся тебе, Варя, эти индейцы? – обратился старик к девочке.

– Очень, дедушка, – не оборачиваясь, ответила та.

– Ну и хорошо.

Он повернулся ко мне.

– А все же наши поют лучше, не правда ли?

Я кивнул.

– Ну, теперь можно и познакомиться, – улыбнувшись, сказал старик.

Я наклонил голову:

– Гиляровский. Владимир Алексеевич. Журналист.

– Очень приятно, – протянул мне над столом руку старик, – Сеченов Иван Михайлович. Биолог.

Сеченов... Сеченов... Безусловно, фамилия была мне знакома, но и только.

– Очень рад знакомству, – ответил я.

– Пришли посмотреть на индейцев? – с любопытством спросил Сеченов.

– Нет. Индейцев я уже видел месяц назад. Мне скорее интересен иллюзионист Гамбрини.

– Фокусы любите?

Я только улыбнулся. И как раз в этот момент краснокожие под редкие ленивые хлопки покинули сцену, и конференсье объявил выход мага и волшебника, артиста цирка Саламонского, итальянского иллюзиониста Артуро Гамбрини.

Девочка восторженно повернула личико к деду.

– Деда! Иллюзионист.

Сеченов погладил внучку по белокурой головке. Тапер заиграл марш из «Аиды», и на эстраду вышел Гамбрини во фраке. В руке он держал цилиндр, на краю которого лежала пара лайковых перчаток. Вторую руку он поднял в приветствии. Зал встретил Гамбрини жидкими аплодисментами. Иллюзионист поморщился.

Сначала он показал несколько ординарных фокусов – достал из воздуха букетик фиалок и поднес его даме за первым столиком, потом вытянул из кармана сидевшего рядом господина длинную пеструю ленту, заставил исчезнуть и снова появиться свой цилиндр и так далее – ничего примечательного. Публика хлопала вяло. Но потом Гамбрини дал знак

таперу замолчать и объявил:

– Дамы и господа! Все это – мелочи для настоящего мастера иллюзии! Но сейчас я продемонстрирую вам трюк совершенно иного свойства! Внимание!

Он повернулся к даме, рассеянno сжимавшей букетик фиалок.

– Мадам! Прошу вас, возьмите этот платок. Сейчас я отвернусь, а вы передайте его любому из сидящих в зале. Пусть этот человек спрячет платок. Я же совершенно точно отгадаю, кому вы его отдали, не задавая вам ни единого вопроса! Ни единого, мадам!

Так и сделали. Гамбрини отвернулся, а дама передала платок на другой столик – черноволосому студенту, который сложил его и сунул в карман – поглубже.

– Готово? – спросил Гамбрини.

– Да.

Иллюзионист повернулся.

– Позвольте вашу руку.

Дама встала и подала свою пухлую ручку. Гамбрини элегантно принял эту длань и повел даму медленно, как будто в танце, вдоль столиков. Так, в тишине, они прошли мимо студента, как вдруг Гамбрини остановился и склонился в поклоне.

– Платок вот у этого господина! – провозгласил он.

Публика оживленно зааплодировала. Студент вытащил платок из кармана.

– Дедушка! Как здорово! – воскликнула внучка Сеченова, хлопая в ладошки, – Это волшебство!

– Ну что ты, дорогая! – ответил старик снисходительно. – Это просто фокус.

– Да, – сказал я, – но как он это проделал? Неужели все это – подставные лица?

– Ну... – протянул Сеченов, – думаю, что вполне могу разгадать эту загадку. Если вы обратили внимание, этот фокусник держал даму за руку вот так, – он взял мою руку и легко сжал ее своими широкими пальцами на запястье. – Именно так, потому что таким образом он мог ощущать биение ее пульса. Когда они проходили мимо человека, который спрятал платок, пульс дамы участился, оттого что она взволновалась. Фокусник почувствовал это и указал на необходимого субъекта. Вот и все.

– Но она не вызывала никакого волнения, – возразил я.

– Внешне – нет. Однако она не может управлять своим сердцебиением. Оно участилось рефлекторно.

– Рефлекторно?

– Именно! Я бы мог объяснить вам в специальных терминах, но боюсь, что вы не поймете... ну, попытаюсь простыми словами. Мы не можем целиком и полностью управлять своими рефлексам. Если что-то нас волнует, тело реагирует совершенно по-своему – учащается сердцебиение, изменяется движение глаз, кожа потеет... Поверьте – я довольно давно занимаюсь рефлексам и могу сказать совершенно уверенно

– опытный человек всегда может, например, отличить, говорит ли ему собеседник правду или обманывает. Просто глядя на то, как человек реагирует.

Тут я вспомнил, откуда мне известна фамилия нового знакомого!

– Вы тот самый Сеченов, который написал книгу «Рефлекс головного мозга»!

– Ну, не только ее, не только ее, – улыбнулся ученый. – А вы читали?

Я сокрушенно покачал головой:

– Увы, не смог осилить, хотя помню, какой фурор она произвела в научной литературе.

Сеченов махнул рукой:

– Для меня все это уже пройденный этап. Сейчас исследования психофизиологии человека пошли куда дальше. Я – пройденный этап, да-с... Вот Павлов... Ваня Павлов – восходящая звезда науки – это да! Слышали что-нибудь про его разделение рефлексов на условные и безусловные?

– Нет.

– Очень интересно. Будь я помоложе – обязательно ввязался бы... Но теперь – вот, внучка. Внучка, индейцы, лекции... Надо вовремя сходить с трибуны, давать дорогу другим исследователям.

Я посмотрел на Сеченова:

– Вы не представляетесь мне человеком, очень уж уставшим и ослабленным.

Ученый засмеялся:

– Спасибо! Это я из-за московского воздуха.

– Из-за нашего воздуха? Вот уж не сказал бы, что он целебный!

Сеченов хохотнул:

– Не-е-ет... Не то чтобы целебный... Просто меньше отравлен миазмами академических интриг, я бы сказал.

– Ну, разве только академических...

Гамбрини еще раз повторил трюк с нахождением платка по пульсу, а потом вызвал на сцену пожилого господина, по виду – чиновника. Показав ему пять карт, он попросил запомнить одну, не говоря, какую. Потом еще раз показал карты, сложил их и перемешал. Далее Гамбрини развернул их веером, рубашкой к себе и вдруг неуловимым движением бросил вверх все карты – а руке у него осталась только одна – та самая, которая была загадана. Зал взорвался аплодисментами.

– Ловко, – сказал Сеченов, прищурясь, наблюдая за иллюзионистом.

– Но теперь-то он не держал его за руку. Как же так получилось, что угадал?

– Я не знаю, – ответил Сеченов, – как он сумел перетасовать карты, чтобы нужная осталась у него в руке. На это есть, наверное, особые шулерские приемчики. Да-с, играть с таким партнером я бы не сел... Но что касается угадывания карты, то, полагаю, он следил за глазами этого человека. По-

казывая карты в первый раз, он проводил рукой вот так, – Сеченов изобразил широкую дугу, – и мог заметить, как его визави отреагировал на нужную. Может быть, у него расширились зрачки. Может, прищурилось веко. Может, сжались губы. Реакция была. Но какая? Это уж – другой вопрос.

– Вы хотите сказать, что при достаточном опыте любой полицейский может отличить обманщика от честного человека? – спросил я. – Но тогда у нас быстро бы искоренили всю преступность.

Сеченов пожал плечами.

– При желании и долгой тренировке – да. Но одно дело увидеть, что человек врет, а второе – доказать это. А кроме того, боюсь, полиция до таких тонкостей дойдет еще не скоро.

– Надо мне все-таки внимательно прочитать вашу книгу, – сказал я. – Для моей работы отличать правду от лжи – очень важно. Бывало, собеседник наплетет с три короба, а потом мучаешься вопросом – правду сказал или соврал.

– Да? – улыбнулся Сеченов. – А вот как вы определяете? Вот взять меня – сам-то я вам правду говорил или обманывал? Может, я и не Сеченов вовсе, а так – какой-нибудь... Перепупкин? Как вы проверяете?

Я погрозил ему пальцем.

– И все же, – сказал я, – не откажите в милости – если у меня возникнут вопросы, мог бы я с вами обсудить их?

Сеченов полез в жилетный карман и достал визитную кар-

точку.

– Пожалуйста. Вот вам доказательство, что я тот, за кого себя выдаю. Если я буду не занят, то милости прошу.

– Ну, – заметил я, – напечатать какие угодно визитные карточки – это плевое дело!

Он схватил меня за руку и потряс. Потом тепло попрощался и увел внучку домой. А я стал дожидаться окончания представления, чтобы перехватить Гамбрини и задать ему несколько вопросов.

Наконец он вышел с чемоданом в руке и начал взглядом искать извозчика.

– Господин Гамбрини, – обратился я к нему, – можно задать вам несколько вопросов?

Иллюзионист обернулся.

– Вы кто?

– Моя фамилия Гиляровский.

Гамбрини прищурился:

– Я вас видел, не помню, где и когда.

– Да давеча, перед цирком.

Гамбрини вспомнил.

– Вы приятель Дурова?

– Нет.

– Но вы были вместе с ним.

– Вы ошибаетесь.

Гамбрини побледнел.

– Нет-нет! Я определенно помню, что вы стояли рядом

с ним! Что вам от меня нужно? Работаете на него? Хотите свести меня с ума? Нет! Не получится, господин хороший! Я вас не знаю и знать не хочу! А будете приставать – сейчас крикну «караул!».

Он все это выпалил одним духом и, увидев сани, побежал к ним, забросил чемодан и сам уселся, приказав гнать отсюда.

«Ну и дурень!» – подумал я только.

Определенно он был сильно напуган.

«Тошниловка»

На следующий день с утра я занял стол в библиотеке и потребовал подшивки газет пятилетней давности, чтобы понять, что же я пропустил в цирковой жизни такого, что казалось «смертельных номеров» в заведении Саламонского. И довольно скоро понял причину своего неведения на этот счет – все события происходили в ту пору, когда я выезжал в южные степи писать об эпидемии холеры!

А материалов было действительно много. Тот же «Московский листок» подробно описывал все дело – по большей части именно из его статей я для себя восстановил ход событий, случившихся пять лет назад за неделю после Пасхи, когда и театрам, и циркам разрешалось, наконец, давать представления в столичных городах после Великого поста. Правда, меня немного покорило, что «Листок» и не пытался дать хоть какое-то рациональное объяснение трагедий, произошедших с гимнастом Евгением Беляцким и дрессировщиком Павлом Кукесом, но, с другой стороны, это было вполне в духе данной газеты, рассчитанной на непритязательный вкус большинства. Авторы туманно намекали на проклятия, небесные кары и прочее. Причем тут же вполне бесстыдно говоря, что в соседнем цирке братьев Никитиных

подобные трагедии – исключение, поскольку там цирковое дело якобы поставлено на более профессиональную основу – скорее всего эти неуместные пассажи появились в заметках не просто так. В цирковом деле шла яростная конкуренция, и я не удивился бы, узнав, что кто-то из Никитиных принес «барашка в бумажке» главному редактору «Листка».

И все газеты отмечали, что после первой же трагедии публика буквально ломилась на представления в цирке Саламонского, привлеченная, надо полагать, запахом крови – как падальщики слетаются к павшему животному. Увы, таково свойство всякой толпы – от предвкушения будоражащего нервы зрелища она звереет, забывая все нормы пристойности.

В газетах того времени я не нашел ничего нового, кроме одной только маленькой детали, за которую вдруг уцепился мой мозг – ассистенткой гимнаста Беяцкого была названа его племянница, совсем юная артистка Лили Марсель. Французское имя, как я полагал, было псевдонимом, принятым в наших цирках, где все еще царили иностранцы и преклонение перед всем заграничным.

Зато мне удалось наконец совместить эти убийства с общим фоном – теми событиями – довольно бурными, которые происходили пять лет назад в цирковом мире. Цирк Саламонского в то время был самым популярным в Первопрестольной – после того, как сумел потеснить филиал знаменитого петербургского цирка Чинизелли. И вдруг появляются

ся откуда-то из провинции три брата – Никитины Дмитрий, Петр и Аким. Сыновья простого шарманщика, бывшего крепостного, начинавшие с того, что они «газировали» под шарманку отца – то есть выступали под открытым небом «на газоне» с неловкими акробатическими трюками, поступив в труппу Баренека, скоро выкупили его дело, а потом из Саратова нагрянули в Москву с совершенно новой по тем временам идеей. Саламонский, подражая великолепному Чинизелли, делал ставку на иностранных артистов. Да и русские циркачи у него брали себе заграничные псевдонимы – как тот же Гамбрини. А вот Никитины, наоборот, – отвергали все иностранное. Артисты у них выступали под своими русскими именами. А публику они зазывали и вовсе демократичную – разночинцев, рабочих, мелких чиновников, солдат.

И уж наглости им было не занимать. В Москве они выкупили деревянное здание вплотную к цирку Саламонского – почти вход ко входу. И начали перебивать публику, которая ходила в прежний цирк. Саламонский начал терпеть страшные убытки, однако как раз пять лет назад сумел-таки выкупить цирк Никитиных. И подписать с ними контракт, по которому они не имели права выступать в Москве. Никитины уехали, но уже через год вернулись и снова принялись устраивать свой цирк – правда, теперь уже в другом месте. Взбешенный Саламонский подал на них в суд, предъявив подписанный контракт, но... проиграл. Поскольку под контрактом

стояла подпись старшего Никитина – Дмитрия. А в новом деле директором значился его брат Петр, бумаги не подписывавший и потому никакой ответственности не несший.

Однако, подумал я, странное совпадение – борьба Саламонского с цирком Никитиных велась в то же самое время, когда на афишах первого появились черепа. Нет ли тут какой-то связи? Могли ли Никитины таким образом запугивать конкурента? Проверить это было нелегко, так что я начал с той самой детали, которая меня заинтересовала чуть ранее. С племянницы Беяцкого, скрывавшейся под псевдонимом Лили Марсель. Помнится, и Дуров говорил о племяннице, последней в этой цирковой династии... Именно она была ближе всех к первой жертве черепа на афише.

Вечером я снова поехал в «Тошниловку». Мой старый знакомый Сидор Прокопъич Статуй уже восседал на своем законном месте. Купив ему водки, я спросил:

– Прокопъич, а знал ли ты канатоходца Беяцкого, который пять лет назад разбился у Саламонского?

– Как не знать. Знал. Хороший был артист, упокой господь его душу. Но непьющий.

– А осталась от него семья?

Старик воздел свои кустистые брови:

– Смеешься, что ли? Откуда мне знать?

– Племянница у него была ли?

Статуй усмехнулся:

– Мало ли таких племянниц?

– Значит, не знаешь?

– Как ее звать-то?

– Лили Марсель.

Старик задумался.

– Ну... есть такая. Лили. Лизка Макарова. Не знал, что она племянница Беляцкого.

– Где она сейчас?

– А где ей быть? У Саламонского и служит.

– Что делает?

– Акробатка на канате, кажись. С ее-то внешностью – самое оно.

– Хороша?

Старый шпрыхсталмейстер ощерил гнилые зубы:

– Не то слово. Будь я помоложе...

Он закашлялся, ударил себя несколько раз по груди, брызгая слюной.

– Хочешь повидать?

– Хочу.

Статуй обернулся и крикнул мальчишку, гревшегося в углу:

– Петруха!

Мальчик, видимо, тоже был из цирковых – отчего его и не гнали половые. Он подскочил к старику.

– Беги в цирк Саламонского, найди там Лизавету Макарову, акробатку. Скажи, ее в «Тошниловке» ждет Сидор Прокопыч. Поговорить надо.

Мальчишка получил от меня полтинник и выбежал за дверь.

– Так и придет? – с сомнением спросил я у старика. – С чего бы это?

– Придет! – уверенно ответил старик. – У таких, как она, всегда дырка в кармане. Деньги им нужны. Вот они и бегут по первому зову – вдруг что удастся перехватить.

– А если репетирует сейчас?

– Все равно придет, – упрямо гнул свое Статуй.

И правда, не прошло получаса, как в «Тошниловку» вошла Лили Марсель. И цирковой кабак как будто вспыхнул рождественскими огнями.

Она была молода и красива. И пусть ее платье, видневшееся под шубкой, было не от Ламановой, но оно облегалось столь гибкий стан, увенчанный столь выпуклой грудью, что ткань и покррой уже не имели значения. Кокетливая миниатюрная шляпка была приколот к туго скрученным пышным волосам темно-рыжего цвета, открывавшим длинную беззащитную шею. Но карие глаза при этом блеснули так ярко, будто девушка только что выплакалась и тут же забыла причину печали.

– А! Какова! – крикнул Прокопич.

Лиза оглядела зал и уверенно направилась к нашему столу. Сняв шубку и нагнувшись, она поцеловала старика и села на стул, который я для нее отодвинул.

– Привет, дядя Сидор! – сказала она низким грудным го-

лосом. – Видишь, как я быстро – чуть не бежала всю дорогу.

Старик погладил ее по плечу, и мне показалось, что она чуть подалась вперед, демонстрируя, что эта ласка ей очень приятна.

– Ох, обманываешь! – сказал Статуй. – Ты ж даже не запыхалась.

Лиза вытащила из рукава платочек и стала обмахиваться.

– Запыхалась! Бежала, как бешеная! Слушай, времени у меня мало. Зачем позвал? Есть ангажемент?

– А может, и есть, – ответил старик.

– Ну, какой? – девушка бросила на меня быстрый заинтересованный взгляд.

– А вот, Владимир Алексеич тобой интересуется, – указал Прокопъич на меня.

Лиза повернулась ко мне всем телом, расправив плечи так, что ее грудь обрисовалась совсем рельефно, натянув ткань лифа платья.

– Это интересно! Где надо выступать?

– Здесь, – ответил я. Артистка даже приоткрыла ротик, чуть выпятив очаровательно алую нижнюю губку.

– Здесь?

– Не бойтесь, – ответил я, – мне от вас ничего не нужно, кроме разговора на интересующую меня тему.

Ее глаза погасли.

– Только разговора...

– Который я, впрочем, оплачу по обычной таксе, как вы-

ступление в концерте.

– Я дорого беру!

– Пятерки хватит, – осадил ее старик.

– Прокопъич!

– Хватит, Лизок!

Артистка обмякла.

– Ну, хватит так хватит. Вы пользуетесь моим положением...

Я позвал полового и, спросив у Лизы, заказал ей чай с кремовой трубочкой.

– Вы ведь работаете у Саламонского? – спросил я.

– Да, – ответила Лиза, дуя на чай.

– И слышали уже про череп на афише?

Она вздрогнула, чуть не обжегшись.

– Слышали?

– Слышала. А что? Почему вы спрашиваете?

Поставив чашку на блюде, Лиза затравленно поглядела на меня. Мне было неудобно вести дальнейшие расспросы – ведь придется говорить о трагедии, свидетельницей которой она стала. Трагедии, в которой погиб близкий ей человек и которая снова возникла из небытия. Но мне нужна была информация, и потому я продолжил вопросы, видя, что они приносят ей мучения.

– Пять лет назад погиб ваш дядя, Евгений Беляцкий. Канатоходец.

Она кивнула.

– Мне сказали, что кто-то налил ему в бутылку из реквизита спирт вместо воды.

– Да, – прошептала она.

Я положительно отвлекался на вид ее влажных трепетных губ...

– Лиза, это ведь вы ассистировали ему в том номере?

Она кивнула.

– Вы обычно наливали воду в бутылку?

– Да.

– Прямо перед номером?

Она задумалась.

– Когда как. Иногда и заранее.

– И бутылка все время была при вас?

Она наклонилась ко мне очень близко, так что я почувствовал не только запах ее недорогих, но приятных духов, но и оттенок аромата молодой разогретой репетицией кожи.

– Вы подозреваете, что это я убила его? Скажите честно!

– Нет, – ответил я, – вас я не подозреваю. Но ответьте – бутылка все время была при вас?

– Нет. Я ставила ее у кулис.

– Кто-нибудь мог вылить воду и заменить ее спиртом?

– Конечно, – уверенно сказала Лиза с придыханием, – любой мог. Народу за кулисами много. Кто-то тайком сделал это.

– Вы не думали, кто это мог сделать?

– Подозреваю.

- Кто?
- Кто-то ловкий. И еще...
- Что еще?
- Тот, кому это было нужно.
- А кому?

Она откинулась на спинку стула.

- Владимир...
- Алексеевич.
- Владимир Алексеевич. Вы ведь не из полиции?
- Нет.

– Зачем вы меня спрашиваете?

– Затем, что один мой знакомый очень обеспокоен появлением черепа на вчерашней афише.

Она взяла пирожное своими тонкими пальцами и откусила – так что белые крошки прилипли к ее алой губе. Мне вдруг захотелось осторожно снять их, но тут Лиза быстро облизнулась.

- Кто ваш знакомый?
- Неважно.
- Это не Гамбрини?
- Почему вы так решили?
- Просто так.
- Но почему именно Гамбрини?
- Я угадала?
- Я не отвечу.
- Как это похоже на Артура! Вы давно его знаете?

– С Гамбрини мы познакомились два дня назад, – ответил я, решив не раскрывать своих карт. Если она решила, что я интересуюсь по просьбе Гамбрини – то пусть остается в такой уверенности. Интересно же, почему именно его она предположила в числе моих знакомых – именно его, а не того же Дурова или кого-то еще.

– Значит, вы его не знаете как человека?

– Практически нет.

Лиза снова близко наклонилась ко мне.

– А вы знаете, что Гамбрини всем говорил, что третий череп предназначенся ему.

– Да. Ведь был пожар, и он чудом спасся.

– Чудом спасся? – саркастически улыбнулась артистка. – Пожар? Ерунда! Когда появился третий череп, цирк была забит народом! До того публика шла неохотно. А тут – аншлаги! И знаете еще что?

– Что?

– К этому представлению Гамбрини готовил новый номер. Очень хороший! Очень! После того представления о нем говорила вся Москва!

Я задумчиво посмотрел на Лизу.

– Вы намекаете... вы обвиняете Гамбрини?

– Нет. Никто не поймал его за руку. И я его не обвиняю. Но он достаточно ловок, чтобы заменить воду на спирт так, чтобы никто не заметил. Он же иллюзионист! И ему вся эта история с черепами пошла на пользу. Вот и все, Владимир

Алексеевич.

– И с этими подозрениями вы живете все пять лет?

Лиза посмотрела на меня так жалостливо, что у меня дрогнуло сердце.

– А что мне делать? Как бы вы поступили на моем месте?

Я кивнул. Действительно, подозрения – это еще не повод обвинять.

Девушка бросила взгляд на часы, тикавшие у стойки.

– Мне пора.

Очаровательно улыбнувшись, она выставила ладошку.

– Мой гонорар?

– Да-да, конечно!

Я вытащил портмоне и заметил, как она уважительно скосила взгляд на него.

– Вот, пожалуйста. Вы мне очень помогли.

Я помог надеть ей шубку, и случайно ее темно-рыжие волосы коснулись моей щеки...

– Но не доверяйте больше Гамбрини, – попросила Лиза, вдруг повернувшись ко мне. Ее грудь чуть не коснулась меня.

– Мой друг – вовсе не он, – ответил я.

– Вот как? Кто же?

– Это не важно.

– Скажите мне, пожалуйста!

– Зачем?

Она спохватилась.

– Мне интересно. Понимаете, мы, девушки, очень любим всякие тайны!

Я улыбнулся:

– Я скажу вам потом, когда немного разберусь в этом деле.

– Обещаете?

– Обещаю.

– Значит, мы еще увидимся?

– Я был бы рад этому, – ответил я просто, не в силах отвести взгляд от ее лица.

– Я тоже была бы очень этому рада, – улыбнулась Лиза. – Было бы грустно вот так расстаться навсегда. Вы такой... Такой умный и большой...

Она вдруг схватила меня за руку и сильно пожала ее. От этого прикосновения я как-то сразу обмяк.

– Я буду ждать, – прошептала она и быстро ушла.

Я сел на стул.

– Ловкачка! – подал голос молчавший до тех пор Статуй. – Этакая далеко пойдет.

– Хороша, – подтвердил я. – Хороша.

Я чувствовал себя молодым.

Тайны дрессуры

После «Тошниловки» я отправился пешком домой – не торопясь, оттягивая момент возвращения в предрождественский домашний водоворот. Подойдя к Тверской, я стал выискивать просвет между экипажами, чтобы проскочить на ту сторону. Конечно, можно было подняться немного вверх к площади и подождать, пока регулировщик своим длинным белым жезлом не остановит поток экипажей, но москвичи всегда славились стоическим пренебрежением к дорожной опасности, отчего и гибли сначала под колесами лихачей, а потом и «уличной гильотины» – трамваев.

Улучив минуту, я быстро перешел Тверскую и чуть не наскочил на... Дурова.

– Вот так встреча!

Дуров помотал головой и указал на окно кофейни – той самой, куда он отказался вести меня в прошлый раз, опасаясь ненужных пересудов.

– Я вас увидел в окно.

– Вы сегодня не репетируете?

– Позднее. Скажите, удалось что-то узнать?

– Не так чтобы много, но кое-какая теория у меня есть.

Дуров явно заинтересовался моими словами:

– Расскажите! – потребовал он.

– Прямо вот здесь?

Дрессировщик нервно оглянулся.

– Хорошо. Поедемте ко мне. Я живу на Божедомке. Там расскажете?

– Расскажу. И у вас совета спрошу.

Дуров крикнул извозчика, и уже через пятнадцать минут мы входили в его квартиру, где нас с лаем встретил фокстерьер.

– Пик! На место! – крикнул Дуров, и фокс убежал. Зато из комнаты выглянула огромная голова сенбернара, внимательно посмотрела, как мы раздеваемся в прихожей, и снова скрылась.

– Это Лорд, – кивнул в ее сторону Дуров.

– Ваши артисты?

– О! Только малая часть моей личной труппы. Остальные живут при цирке. Ваня! – крикнул Дуров.

Из кухни вышел карлик, вытирая руки белым вафельным полотенцем.

– Ты пеликана работал сегодня? – спросил его Дуров.

– Ага.

– Как он?

– Как всегда – дурак дураком, – ответил карлик Ваня.

Дрессировщик повернулся ко мне:

– Вот, мой помощник Ваня. Ванька-Встанька.

– Очень приятно, – немного нагнувшись, протянул я ру-

ку, – Гиляровский. Владимир Алексеевич. А вас как по ба-
тюшке?

– Если бы я знал! – проворчал маленький артист и не ожи-
данно крепко пожал мне руку своей короткопалой ручкой. –
Так что зовите просто Иваном.

Потом он повернулся к Дурову:

– Владимир Леонидович! Ваш Бэби опять чего начудил!

– О, господи! Чего?

– Сожрал два парика у Танти! Он в ярости, ругался! Го-
ворит, что вам счетец предъявит.

– Пусть предъявит! – зло ответил Дуров. – Свиной хвост
он от меня получит. Счетец!

Тут, вспомнив, что у него гость, Дуров повернулся ко мне
и пригласил в гостиную, где под столом спал тот самый сен-
бернар. Попросив карлика принести нам чаю, Дуров зажег
люстру, усадил меня в кресло, а сам пристроился на венском
стуле, согнав с него давешнего фокстерьера.

– Ну, так рассказывайте.

– Что? – спросил я. Честно говоря, я так был заинтересо-
ван домашним бытом Дурова, что у меня даже вылетела из
головы причина визита к дрессировщику.

– Вашу теорию про «смертельные номера».

– А, это!

В дверь заглянул карлик:

– Вам с сахаром или с лимоном?

Владимир Леонидович опередил меня:

– Тащи все! Все, что есть в печи, – все на стол мечи! И бутербродов нарежь с ветчиной. Она в буфете прикрыта синей салфеткой. Если ты ее еще не сожрал до конца.

– Ага. Хотел, но не успел.

Карлик скрылся.

– Итак?

Я решил не выкладывать все карты на стол. В конце концов, Сеченов был прав, спрашивая меня, отчего я ему сразу поверил? Почему я должен был верить в то, что Дуров – не заинтересованное в этом деле лицо? Ведь интерес его был как раз очень и очень заметен.

– Скажите мне, Владимир Леонидович, разве цирковые артисты не склонны устраивать друг другу какие-то пакости? Мстить за обиды. Завидовать? – спросил я, пристально наблюдая за лицом дрессировщика, чтобы уловить мельчайшую тень рефлекса.

– А! Вот вы куда клоните... – разочарованно протянул Дуров. – Вы полагаете, что все это – месть. Наше внутреннее дело...

– Возможно. Я ведь говорил вам, что тоже служил в цирке. И такие штуки там время от времени случались.

– Ну, знаете... Впрочем, раз вы сами соприкасались с закулисным нашим миром, то и без меня знаете – да, цирк жесток. Что видит зритель снаружи? Веселое представление. Что видим мы внутри? Бедность, проистекающую из нее зависть, пьянство, жестокость.

Я обвел рукой комнату, в которой мы сидели.

– Ну, вы-то всего этого, кажется, избегли.

– Это теперь. Видели бы вы, как я жил в начале своего пути. А ведь я – не из самой последней семьи. Знаете, Владимир Алексеевич, я ведь из дворян. Да-с. Много ли среди нашей братии дворян?

– Почитай, что и нет совсем.

– Но начинал-то я, как все, – с рауса, зазывалой над входом в шапито.

– И брат ваш, Анатолий Леонидович?

– И он, – поморщился Дуров, – но вернемся к нашим баранам.

В этот момент в дверь протиснулся карлик с подносом, на котором стояли две чашки тонкого кузнецовского фарфора с дымящимся черным чаем и горкой бутербродов со свежей ветчиной. Он быстро накрыл на журнальном столике.

– Мне не оставляйте, – сказал Ванька, – я уже понадкусывал от ваших бутербродов.

– Иди уже! – ухмыльнулся Дуров.

Карлик отвесил поклон и вдруг клубочком выкатился за дверь.

– Ванька – мой «Рыжий», – кивнул в сторону Дуров. – Большого таланта человек. При его-то росте. Ну, так все-таки... Значит, вы считаете, что вся эта история пятилетней давности – чья-то месть.

– Не просто чья-то. Возможно, это был кто-то из артистов.

Дуров отпил из чашки и задумался. Я воспользовался этим и взял бутерброд.

– Да... – сказал, наконец, Дуров, – может быть... Вы знаете, мне ведь однажды сам Танти подложил свинью.

– Танти?

– Да, сам Танти. Он уже тогда был у Саламонского премьером – лучший клоун-дрессировщик. Я, честно говоря, учился у него. Танти тогда работал со свиньей – заставлял ее прыгать через доску, кланяться, танцевать. Вот и я купил себе свинью. Назвал ее Чушкой. Чушкой-Финтифлюшкой. Обучил ее всем трюкам, которые делала свинья у Танти. И даже больше. Она у меня летала на воздушном шаре и прыгала с парашютом.

– Не может быть! – воскликнул я, прожевав.

– Было дело. Но в Москве я этот номер не показывал почти, в основном – на гастролях. Да... А потом я решил обучить ее возить меня на спине – как лошадь.

– Получилось?

Дуров удивленно посмотрел на меня:

– Конечно. В этом нет ничего сложного. Просто надо работать долго и очень методично.

– Как?

– А так. Сначала надо приучить ее просто стоять между ногами человека. Постоянно поощряя угощением. Потом, когда она привыкнет – аккуратно садиться, переноса на нее свой вес. Это очень тяжело физически – ноги устают в посто-

янном полусогнутом состоянии. Ну а потом, когда она перестанет вырываться, тут уже веселее идет. Зато какой эффект, когда ты выезжаешь на манеж на свинье! Но Танти! Я и не знаю, что с ним вдруг случилось, — откуда такая злость! Может, он почувствовал во мне конкурента? Ведь, в конце концов, он же не мог обвинить меня в краже номера!

— А вы не...

Дуров посмотрел на меня обвиняюще.

— В цирке, случается, воруют секреты, но не номера. Это как «Гамлет». Представьте, что какой-то театр обвинил в воровстве другой театр за то, что тот тоже ставит «Гамлета»!

— Так. И что же Танти? Что он сделал?

Дуров откусил от бутерброда, прожевал и взмахнул рукой:

— Представляете! Во время выступления я сажусь на Чушку, а она вдруг вырывается и убегает. Я подумал — случайно. Ловлю ее и снова сажусь. А она — как бешеная! Вырывается, не дает на себе ездить! Пришлось сделать вид, что все так и надо...

Вошел карлик.

— Я посижу тут? — спросил он и взял себе бутерброд.

Дуров кивнул.

— Веду ее к ветеринару. Тот ее осматривает. И оказывает-ся! Кто-то ночью втер ей в спину овес. Тот разбух. И когда я садился, он начинал нещадно колоть несчастную свинью!

— Но почему вы решили, что это сделал Танти? Он признался?

Дуров поморщился:

– Мне сказали. Верная информация.

Я доел последний бутерброд и задумчиво отхлебнул чаю.

– А скажите, – спросил я, – бывали случаи, когда артисты вредили друг другу так, что речь могла идти о смертельной опасности?

– Да, – кивнул Дуров.

– Расскажи ему про медведя, – подал из угла голос карлик, – как Топтыгин тебя чуть не порвал.

– Медведь? – спросил я.

– Михайло Потапыч Топтыгин, – отозвался Дуров. – Был у меня такой мишка. Хороший, вот только не везло ему с работниками, которые за ним ухаживали. Был у меня один такой – ленивый, как... Я даже животного такого не знаю. Ленивец – тот просто медлительный. А этот... В общем, уволил я его. Через три дня – представление. Мишка у меня мужика изображал – в косоворотке, в фуражке... И плясал, и всякие штуки показывал... А тут вышел на арену и вдруг – как взбесился! Поводок у меня из рук вырвал и – бросился в ряды! Там шум, гам, переполох! Зрители вскочили, бросились наверх! Униформа за палки схватилась – отгонять. Мне кричат: «Стреляйте, Владимир Леонидович! Медведь взбесился!» Ну, я к нему – встал у него на дороге, начал уговаривать, теснить его назад. А он повернулся – и в другую сторону рванул. И там паника! А служители его палками – он и еще страшнее ревет! Вон, Ваньку швырнул так, что он через

всю арену покатился. Помнишь, Ванька?

– Не-а, – ответил карлик, – помню только, что вдруг лежу у самого бортика. А почему – не пойму.

– Общими силами мы его вытеснили за кулисы, загнали в клетку. Никак не пойму, что с Топтыгиным?! Вдруг вижу, на полу что-то блестит... Пузырек... А в нем – остатки крови. И сразу все понятно. Это тот, уволенный – он тайком в зверинец пробрался и напоил медведя голубиной кровью. А медведи от вкуса крови звереют. Так что мишка не виноват. А то уж его пристрелить хотели, представляете?

– Так, – кивнул я, – а эта история – она случайно не тогда же произошла, когда были «смертельные номера»?

– Не-е-ет, – помотал головой карлик Ванька, – это было до того. Лет тому десять назад.

– Судя по всему, – сказал Дуров, – вы, Владимир Алексеевич, подозреваете кого-то из цирка? Кого?

– Подозреваю, – ответил я прямо, – хотя пока это именно что подозрения, основанные на очень скудных фактах.

– Кого же? – Дуров подался вперед, пристально глядя на меня.

Я помедлил, но потом решил сказать:

– Гамбрини.

– Гамбрини? – разочарованно переспросил дрессировщик.

– Да ну! – подал голос Ванька. – Артур, конечно, злока, но не до такой степени! Убить?

Дуров вновь откинулся на спинку кресла:

– С чего вы назвали именно его имя?

Я прокашлялся и поставил чашку на столик.

– Повторяю, это пока только подозрение. Основано оно вот на чем. Пять лет назад Гамбрини готовил какой-то новый номер...

– «Эликсир бесстрашия», – подсказал карлик.

– Может быть, – согласился я, приметив себе, что надо будет потом узнать про этот «эликсир» поподробней. – Так вот, давайте только предположим, что Гамбрини решил собрать на свою премьеру как можно больше народу. Но как это сделать? И он решает совместить приятное с полезным – месть с премьерой. Вы не знаете – каковы были его отношения с теми погибшими?

Дуров с карликом переглянулись. Карлик пожал плечами, а Дуров покачал головой.

– У Гамбрини со всеми плохие отношения, – ответил он, – Характер такой.

– Ага! – сказал я, воодушевляясь, – А что, если Гамбрини сам рисовал черепа и сам же подстраивал несчастные случаи? Сам налил в бутылку канатоходца спирт вместо воды. И дал льву той же крови перед выступлением. Как вашему медведю. А чтобы отвести от себя подозрение, устроил пожар в своей гримерной. Вот и все.

Дуров и карлик снова переглянулись.

– Ты в это веришь, Ваня? – спросил дрессировщик. – Зву-

чит лихо.

– Лихо-то лихо, – отозвался карлик, – да я останусь-ка при своем – не мог Гамбрини такое учудить. Он, конечно, паршивец... да, талантливый паршивец. По всем статьям талантливый, если вы понимаете, что я имею в виду. Но чтобы вот так – холодным разумом, да сразу двух человек прихлопнуть... Ну как в это поверить?

– Как хотите, – ответил я, – а завтра я попытаюсь встретиться с Гамбрини и поговорить с ним. Посмотрю на его рефлексy.

– На рефлексy? – вскинулся Дуров.

– Да, – ответил я небрежно, – давеча меня Сеченов научил...

– Сам Сеченов! – воскликнул Дуров. – Как же это произошло? Да вы знаете, что я к Сеченову на лекции по рефлексам хожу!

– А вам зачем?

– Как зачем? – удивился Дуров. – Вся дрессура строится на рефлексах! Во всяком случае, пока. Пока мы не нашли новых механизмов взаимодействия с животными... но это – другая тема, о ней – пока рано говорить. Так вот, возвращаясь... Свинья танцует потому, что знает – ее за это наградят миской похлебки. Я долго и терпеливо вырабатываю у нее рефлекс – она крутится на арене – получает еду. Собака прыгает через палку – получает еду. Козел везет тележку – получает еду.

– Нет, – сказал карлик, – можно и по-другому. Не крутишься – гвоздем тебе в бок! Не прыгаешь – по морде тебе сапогом. Так-то всякий быстро выучится – куда быстрее, чем за еду-то, а, Владимир Леонидович? Ведь этот рефлекс сильнее будет!

Дуров поморщился:

– Опять ты за свое! Это все Анатолий тебя портит!

– Но у него же работает! – возразил Ванька. – И номера братец ваш готовит быстро – день-два и на арену!

Дуров вскочил с кресла и навис над карликом:

– Хватит! Если мой брат использует боль и рефлекс самосохранения при работе с животными, это его чертово дело! А я – не хочу! Я ненавижу, когда над животными издеваются! И особенно, когда издевается он!

– Ну да! – саркастически ответил карлик. – А свинью на парашюте с воздушного шара выкидывать – это не издевательство?

– А свинья была в полной безопасности! – крикнул Дуров, но, посмотрев на меня, осекся и добавил тише: – Все было просчитано, ничего с ней не случилось.

– Ага, – кивнул Ванька, – а когда ее ветром отнесло на крышу реального училища в Саратове?

И оба вдруг захохотали.

– Ну... – вытерев глаза, сказал Дуров, – это ветер...

Потом он вернулся в кресло и посмотрел на меня.

– Воля ваша, Владимир Алексеевич, в виновность Гам-

брина мы с Ванькой не верим. Но все же поговорите с ним, вдруг выясните что-то новое. Однако, как вы уже и сами заметили, человек он не простой и очень даже склочный. С ним будет сложно.

Как выяснилось чуть позже, Дуров был совершенно прав. Более, чем прав.

Возвращение директора

На следующий день, пообедав дома, я поехал в цирк. Температура упала, и сев на извозчика, я надвинул папаху чуть не до шеи и обмотался шарфом, оставив снаружи только нос. И хотя «легковой» набросил мне на ноги полость, все равно казалось, что через пять минут я превращусь в ледяную статую, которую везут по вымерзшим московским улицам в какой-нибудь парк – на потеху ребятам.

Зато доехали быстро. В цирке пожилой гардеробщик, принявший мою одежду, на вопрос, как пройти в кабинет директора, сначала сам сходил доложить, а потом провел меня через гардероб по темному коридору к лестнице на второй этаж. Поднявшись, я уперся в дверь, обитую черной кожей.

Как и говорил Дуров при нашей – то ли первой, то ли второй встрече, функции директора в то время исполняла Лина Шварц – жена Альберта Саламонского, оставившая в браке свое девичье имя. Она когда-то была блестящей цирковой наездницей, но дама, принявшая меня в просторном кабинете с большим окном, наполовину прикрытым темно-зелеными гардинами, афишами на стенах и массивным светлого дерева столом посредине, совсем не напоминала изящную артистку – она скорее походила на исполнительницу си-

ловых трюков. Иссиня-черные волосы были скорее всего искусственного происхождения. Корсет не мог уменьшить ее талию, сильно раздавшуюся после родов и покойной жизни, в которой не было больше цирковых нагрузок. Склонившись к руке с короткими толстыми пальцами, я ощутил запах духов, чуть более сильный и яркий, нежели полагалось днем. Никогда я не строил из себя дамского угодника – такого молодого хлыща с бритым затылком и тонкими «американскими» усиками. Но, сознаюсь, в этот момент я невольно вспомнил Лизу Макарову, и сердце мое дрогнуло.

– Читала ваши репортажи в «Ведомостях», – сказала госпожа Шварц, садясь за стол и указывая мне на стул рядом. – Очень приятно! Вы пишете удивительно точно, Владимир Алексеевич – перед глазами как будто встает все то, что вы видите сами.

«А она не глупа!» – подумал я.

– Что вас привело к нам? – спросила директриса. – Надеюсь, не эта история с афишей?

– Какая история с афишей? – неискренне удивился я, решив сыграть «дурачка».

– А! Пустое! – махнула рукой Лина Шварц. – Кто-то портит нам афиши. Как я думаю, из простой злости или зависти.

«Она точно не глупа и хорошо владеет собой, – подумал я. – Прекрасно делает вид, будто дело и вправду пустое».

– Насчет ваших афиш я не знаю, но хочу написать большой репортаж о новогоднем представлении. Все-таки на но-

су двадцатый век – новое столетие. А цирк сейчас – сочетание последней технической мысли и древнего искусства. Я слышал, вы готовите что-то невообразимое на Новый год?

Директриса кивнула.

– Да. Это правда. Скрывать не буду – на Новый год у нас готовится специальная феерия – «Путешествие в будущее». И я готова разрешить вам посещение репетиций, но только с одним условием – я бы не хотела, чтобы вы раскрывали подробности представления до того, как оно состоится.

– Ни в коем случае, – заверил я.

– Прекрасно! Хотя, если честно, сейчас нам предстоит еще рождественское представление. Ничего особенного – программа ординарная, просто много цветов и шампанского в нашем ресторане.

– Да, – кивнул я, – в последнее время Рождество справляют в Москве уже не так пышно как раньше.

– Ничего странного. У всех проблемы с финансами. Все стало очень дорого, – вздохнула госпожа Шварц. – Две феерии с разрывом всего в неделю – это слишком. Мы решили все силы бросить на Новый год, а на Рождестве, если честно, экономим. Только вы этого, пожалуйста, не пишите, – добавила она.

– Конечно, – согласился я, – еще вопрос...

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и без стука вошел огромного роста дородный человек с пышными усами. Увидев меня, он остановился.

– Э-э-э... – промолвила Лина Шварц. – Альберт? Что-то случилось? Почему ты пришел?

– Простите... – пророкотал вошедший гулким низким голосом, глядя на меня. – Мы не знакомы?

– Это Владимир Алексеевич Гиляровский, – пролепетала госпожа Шварц. – А это – мой муж, Альберт Иванович.

– Саламонский, – сказал пышноусый мужчина, протягивая мне руку.

Я и сам не маленького роста и могу пальцами согнуть пятак. Но и ладонь Саламонского была размером с лопату. Рукопожатие было нарочито крепким, как будто Альберт Иванович проверял меня на крепость. По-видимому, оставшись довольным этим испытанием, Саламонский как будто смахнул жену с кресла и сел за стол. Она же примостилась в кресле в углу.

Хозяин цирка несколько секунд напряженно сидел, вглядываясь в стол, а потом повернулся к жене:

– Линуся, я хотел с тобой поговорить.

– Хорошо, Альберт, – ответила она из кресла. – Думаю, мы с Владимиром Алексеевичем уже закончили.

– Да, – сказал я, не садясь на стул. – Благодарю вас за содействие.

– Какое содействие? – прищурился Саламонский.

– Владимир Алексеевич хочет написать о новогоднем представлении. Мы договорились, что он будет приходить в цирк и следить за репетициями.

Саламонский круто развернулся к жене.

– А стоит ли? Особенно сейчас...

– Альберт! – госпожа Шварц прервала мужа.

– А что? – вскипел Саламонский. – Весь цирк об этом говорит! Если ты думаешь... Нет, положительно, я не могу дать разрешения на присутствие посторонних.

– Кхм, – прокашлялся я, – если начистоту...

Супруги повернулись ко мне. В глазах Лины Шварц я увидел тревогу.

– Если говорить начистоту, то я уже знаю, о чем вы. Да. Я слышал про историю со «смертельными номерами» пять лет назад.

– Так-так... – прорычал Саламонский, – значит вот какова ваша цель – пробраться в мой цирк как бы для написания репортажа о новогоднем представлении, а самому начать тут вынюхивать!

Я сделал шаг к его столу, оперся на него кулаками и пристально посмотрел в глаза Альберта Ивановича.

– Нет! – твердо ответил я. – Я не собирался писать о «смертельных номерах». Во всяком случае, до сего момента. Но чем дальше мы разговариваем, тем больше мне нравится эта мысль.

– Шантажировать меня вздумал? Ради своей мерзкой статейки? Меня – Саламонского?! – Лицо бывшего директора покраснело от злости. Он откинулся на спинке кресла и положил кулаки на столешницу. Большие кулаки. Да мне было

уже все равно – и не с такими справлялись!

– Альберт! – подала голос Лина. Но он даже не оглянулся на жену, глядя прямо мне в глаза.

– Шантажировать? – усмехнулся я, не отводя взгляда. – Да зачем мне тебя шантажировать? Ты за кого меня принимаешь? Я – Гиляровский! Я, если надо, любую информацию найду – за ушко возьму и в газету вытащу. Мне и разрешения твоего не надо. Да я и в цирк могу не заходить – уже завтра все узнаю. Твои же артисты мне и расскажут! Сами придут. Надо мне тебя шантажировать!

Вдруг выражение лица Саламонского изменилось. Он глубоко втянул носом воздух и задумался.

– Садись, – махнул директор рукой в направлении стула, – чего мы тут лаем, как шавки. Поговорим.

Я сел, сердито закинув ногу на ногу.

После короткого молчания Саламонский сказал:

– Вы меня простите за это. Нервы. Вот, кидаюсь на всех как бешеный. Лина, достань бутылочку «Курвуазье». Выпьем за знакомство...

Разливая коньяк по простым стопкам, Саламонский как бы между прочим бросил:

– Вот, прямо из Жарнака прислали. Ну...

Мы чокнулись и выпили – без фанаберий, сразу.

– Ты, Владимир Алексеевич, прости. Я вижу – ты человек сильный. Меня не боишься. Меня даже тигры боятся. А ты – молодец. Воевал?

– На Балканах, – ответил я.

– Герой. Значит, так. Если тебе что надо – пиши. Хочешь про новогоднее – пожалуйста. Хочешь про афишки эти чертовы – пиши. Только я тебя попрошу. Прежде чем тискать эти свои писания, поговори со мной, а? Мы с тобой сядем, достанем еще бутылочку, покалякаем... Я с тобой все почестному буду обсуждать. Но и ты входи в мое положение, прежде чем...

– Тискать? – спросил я. – Свои писания?

– Точно! Я больше ничего не прошу. Вот прямо сейчас дам распоряжение, чтобы тебя всюду пускали и все тебе помощь оказывали. Но и ты учти это, когда... это... тискать там будешь.

– Хорошо, – рассмеялся я и пожал его руку – уже без соревнования в силе, а просто – крепко и дружески.

– Я бы сам тебе все тут показал, – пророкотал Саламонский, закуривая сигару, – но мне надо с Линой кое о чем поговорить. Через полчаса освобожусь – можем и продолжить.

– Ничего, – сказал я, вставая со стула, – главное, распорядись, чтобы меня приняли, а в цирке я бывал, и не только со стороны входа.

– Работал в цирке? – сквозь дым прищурился Саламонский.

Я кивнул.

– Ой, молодец! Лина, иди с Владимиром Алексеевичем, распорядись и возвращайся. Я пока тут бумажки просмотрю.

Где роспись расходов по Новому году?

Лина передала мужу толстую папку и пошла со мной к лестнице. Закрыв дверь так, чтобы Саламонский не слышал, она повернулась ко мне.

– Не сердитесь на Альберта Ивановича, – сказала Лина, – он волнуется. Простите за этот... – она помолчала, мучительно подбирая слово, – за этот казус. Нам нужно сейчас внимание прессы... – она тут же поправилась, – Внимание прессы к нашим представлениям. Так что...

– Не волнуйтесь, мадам, – я осторожно коснулся ее руки и снова невольно сравнил ее с Лизой Макаровой, – надеюсь, ваши неприятности с афишами – всего лишь чья-то глупость. Меня же больше интересует представление.

– Спасибо, – с благодарностью ответила Лина.

Мы спустились на первый этаж, прошли по длинному, загибающемуся влево коридору (вероятно, он шел снаружи арены) и оказались у дверей с табличками «Администрация» и «Бухгалтерия». Лина Шварц толкнула ту, где была табличка «Администрация», и вызвала седого сухопарого мужчину, которому объяснила, что с сегодняшнего дня я имею полное разрешение приходить в цирк в любое время. И что все служители должны отвечать на мои вопросы.

И я подумал, что дальше дела пойдут намного легче и быстрее.

Видит бог – я ошибался.

Допрос Гамбрини

Сухопарый администратор только обрадовался, когда я вежливо отказался от его сопровождения. Он поспешил обратно в кабинет, а я свернул в центральный коридор, который вел от основной арены к тренировочной. Он был ярко освещен электрическими лампами, висящими высоко под потолком. Мне пришлось прижаться к крашенной в синий цвет стене – мимо униформисты толкали тележку с фанерными тумбами, обшитыми алой тканью с зелеными ромбами. Слева издалека вдруг закричал петух, и ему ответил короткий рык какого-то крупного хищника. Должно быть, там располагался зверинец. В стене – двери гримуборных. Я прошел по коридору и остановился у выхода на тренировочный манеж, где к вечернему представлению репетировали акробаты.

– Жора! Сейчас флик-фляк! Не мельтеши, ты все забываешь! Встал, зафиксировался, потом вальсет и тут же уходишь на кульбит! Ап!

– Па-а-астаранись!

Я отодвинулся в сторону, и мимо прошел мужчина плотного сложения в трико, который нес в руках перш – длинный акробатический шест с креплениями для выполнения трю-

ков.

– Жора! Давай быстрее, сейчас время кончится.

Худошавый гимнаст на тренировочной арене вытер со лба пот рукавом серой рубахи и, старательно засопев, начал повторять трюк.

– Владимир Алексеевич! – раздался голос рядом со мной.

Я посмотрел вниз и увидел своего давешнего знакомого – Ваньку-Встаньку.

– Пошли, отойдем с прохода, а то сейчас лошадей с конюшни поведут!

Мы прошли вдоль внешнего бортика манежа. Сидений тут не было, но тут и там стояли группки стульев, на которых отдыхали или ждали своего репетиционного времени артисты, одетые еще просто, не для представления, которое должно было начаться вечером.

Ванька взобрался на один из таких стульев и предложил мне сесть рядом.

– Все в порядке? – спросил я своего визави.

– Какое там! – ответил тот. – Мы тут все нервничаем. Сегодня же – «смертельный номер»! Говорят, билеты в кассе уже не достать.

Я взглянул на манеж, где плотный мужчина в трико установил перш себе на голову.

– Давай, Жора! Ап!

Худошавый гимнаст одним касанием оперся на его подставленные «лодочкой» ладони и вскарабкался наверх.

– Копфштанд! Ап!

Худошавый поджал ноги и встал на перш головой, медленно вытянув ноги вверх. Жилы на шее «нижнего» вздулись от усилия.

– Руки! Ап!

«Верхний» медленно развел руки и теперь держался только на голове.

– Молодец! Держи так!

Я повернулся к карлику:

– Seriously беспокоятся?

– Ага. Хотя кто-то уже пришел после тех случаев. Но и эти боятся.

Справа, в боковом проходе, появились конюхи – каждый вел по две лошади. Перед ними в галифе с сапогами и простой белой рубаше шел дрессировщик с бичом в руке.

– Время, ребятки! Время!

Худошавый соскользнул по першу вниз, освободив своего товарища от необходимости балансировать с такой тяжестью на голове.

– Нет, так-то все работают, готовятся... – Ванька достал из кармана пачку папирос и закурил одну. – Но напуганы.

– А ты?

Карлик выпустил клуб дыма и пожал плечами.

– А что я? Я как все. Правда, у нас номера-то... Ничего особо смертельного! Если только петух заклюет. Или слон на меня сядет. Это – да! Но я уж постараюсь держаться по-

дальше. Это Дуров пусть рискует.

— Кстати, — спросил я, — а что у них с братом? Насколько я понял, Владимир Леонидович своего брата Анатолия недолюбливает...

— Это еще мягко сказано, — ответил спокойно Ванька. — Говорят, раньше они были неразлейвода. А вот как начали делать карьеру, так боже мой! Да и то сказать, Володя — звезда! Да только Толя — солнце! Вы с ним не знакомы?

— Нет.

— Они тут одно время у Саламонского вместе пытались работать — ну, не в смысле вместе, в одних номерах, а в одном представлении. Так страшненько было смотреть — Володя во втором выходил, а Толя — в третьем. Ну, он же требовал, чтобы ему все третье отделение отдавали. Типа как Володя — простой артист, а он — премьер. И каждый другого старался перещеголять. Выходит Володя — «Я — король шутов!». Выходит Толя — «Я — шут народа!» Мой-то номера готовит долго, у него не все и получается. А Толя — он все побыстрому, утром в газете, вечером — на арене.

— В смысле — в газете?

Ванька стряхнул пепел на пол:

— Ну как... По утрам они газеты читают. Толя тут же выискивает злобу дня и уже вечером ее публике представляет как новое антре. Да еще частенько и в стихах. Публика от восторга ревет, аплодирует. А Володе не нравится. Он все больше классические номера работает. Хороший он человек,

конечно, но когда речь о брате заходит... Да, вот и еще что – Толя, он тоже номера с животными ставит. Только если Володя все более лаской, терпением, то братец его – по старинке. Чуть что не так – по носу кулаком.

– Кому?

– Да животному. Свинье в рыло, петуху – в клюв, курице – в гузку, лошади – в морду, собаке – в нос.

– Злой он?

– Почему злой? Так все делают. Работа это такая...

В центре манежа дрессировщик время от времени щелкал кнутом, поправляя движения лошадей. У бортика стоял униформист с совком на длинной ручке и метелкой – подбирать навоз.

Ванька соскочил со стула.

– Ладно, пойду наших артистов готовить. А то Володя сейчас придет. Прощайте.

– Скажи только, где гримерная Гамбрини?

– Решили все же с ним поговорить? Да не он это!

– Так где?

Карлик пожал плечами.

– По центральному коридору идете и второй поворот направо. Это который к зверинцу. Слева первая дверь. Напротив дуровская гримерка, кстати. Если что.

Мы попрощались, и Ванька ушел, переваливаясь на коротких ножках.

Вдруг сердце мое подпрыгнуло – на той стороне мане-

жа появилась Лиза Макарова. Одета она была в облегающее трико с накинутым фиолетовым халатом с алыми драконами. Рыжие волосы были туго стянуты на затылке. Меня она не видела, а разговаривала с каким-то мужиком в сером фартуке поверх темно-синей рубахи. Я медлил, глядя на нее, тайно надеясь, что вот сейчас она повернет голову и увидит меня. Подойдет поздороваться или нет?

Но Лиза, не повернувшись, кивнула мужику и ушла в боковой проход. Я огорченно вздохнул и отправился разыскивать гримерную Гамбрини.

Нужную дверь я нашел довольно быстро и, постучав, вошел, не дожидаясь приглашения.

Гамбрини сидел за трюмо и методично разминал пальцы. Слева на покрытой царапинами столешнице среди баночек с гримом и пудрениц стояла небольшая китайская вазочка с мелкими розами – странное пятно, почти пошрое, как мне тогда показалось.

– Не входить! – крикнул иллюзионист, не оборачиваясь. – Я занят!

– Простите, пожалуйста, – вежливо ответил я, – мне бы поговорить...

Гамбрини наконец повернулся и скривил лицо:

– Опять вы! Вы что, преследуете меня? Как вы смеете приходить прямо сюда? Кто вас пустил?

– Саламонский Альберт Иванович, – ответил я. – Он дал мне разрешение.

– Саламонский? – недоверчиво переспросил Гамбрини. – Что вы такое несете?

– Именно что Саламонский. Послушайте, Артур, мне нужно с вами поговорить. Дело касается «смертельных номеров».

Я внимательно наблюдал за его реакцией – особенно за глазами. И заметил, как они дернулись туда-сюда, выдавая беспокойство артиста.

– Смертельные номера? – переспросил Гамбрини. – Вы что, из полиции?

– Нет, я не из полиции. Я журналист.

– Журналист! – взвился Гамбрини, и я, почувствовав, что сказал о своей профессии не к месту, жестом попытался успокоить его.

– Да, я журналист, однако все, о чем мы сейчас будем говорить, останется между нами. Только если...

– Только если что?

Я заметил, что артист сжал пальцы в кулаки.

– Если вы не причастны к той истории со «смертельными номерами».

Я вперил взгляд в лицо Гамбрини, пытаюсь поймать реакцию на свои слова. Признаюсь, я ждал любой реакции, любой вспышки, но только не той усталости, которая вдруг проступила в его чертах. Он помолчал, а потом вдруг едко спросил меня:

– Что это вы так на меня уставились?

– Да так, ничего, – смутился я.

– Пытаетесь понять, как я отреагирую? Вы что, физиологист?

Я неопределенно пожал плечами.

– Бросьте, – сказал Гамбрини, – не играйте в мои игры на моей территории. Я вижу вас насквозь. Все ваши мысли. Все, что вами движет.

– И что же мною движет?

– Простое любопытство, – ответил иллюзионист, – самое простое любопытство. Любопытство зеваки. Вам-то что наши проблемы? Вы сейчас не трясетесь от страха перед представлением. Вам не выходить на арену. Вам ничего не грозит, господин Гиляровский. Вы точно знаете, что сегодня ночью ляжете в свою кровать, утром проснетесь и пойдете завтракать. И следующим утром. И следующим. А из нас кто-то сегодня умрет.

– Откуда вы это знаете?

Он посмотрел на меня снисходительно.

– Я никого не убивал пять лет назад, – ответил Гамбрини просто.

– Но вот это покушение на вас лично. Этот пожар. Это имело отношение к «смертельным номерам»?

Он пожал плечами.

– Тогда я был уверен, что да. Но это – не странно. Мы все были в панике. Однако потом я понял, что это вовсе не было покушением. Так, глупая случайность.

– Странно, – сказал я в задумчивости, – третий череп не сработал.

Гамбрини кивнул.

– Вы обиделись, что я назвал вас зевакой? – спросил он.

– Нет, – соврал я, – любопытство – часть моей профессии. Вы правы, если вся эта нынешняя история с афишей – не розыгрыш, то сегодня действительно кто-то может умереть.

Гамбрини тяжело вздохнул, потом еще раз. Прокашлялся.

– Будьте добры, передайте мне графин с водой. Он справа от вас.

Я взял с тумбочки графин. Гамбрини налил из него в чашку, потом взял с трюмо аптечный пузырек и накапал, шевеля губами, несколько капель в воду.

– Простите, у меня астма, – сказал он, глядя поверх стакана, и медленно выпил. – Вот так лучше.

– Странно, – сказал я, принимая у него графин, – я представлял вас себе более вспыльчивым человеком.

– Я, к сожалению, действительно очень вспыльчив. Но... А каким стали бы вы, готовясь к «смертельному номеру»?

Я промолчал.

– Я не знаю, кто убийца, – сказал Гамбрини тихо. – Но в то, что он существует, я верю. И боюсь, сегодня мне придется это доказать.

– Как?

– Сегодня моя очередь.

– Почему?

Он помедлил.

– Я чувствую это. Как собака чувствует смерть перед живодером. Не спрашивайте, не мучайте меня. Мне надо подготовиться к представлению. Мне надо поспать хотя бы полчаса. Ищите убийцу. Если вы успеете до начала представления, вы спасете меня. Если нет – я умру и докажу как свою невиновность, так и существование этого мерзавца.

Он встал, прошел мимо меня и, совершенно не стесняясь, лег на кушетку. Мне ничего не оставалось, как попрощаться. Ответ я услышал уже у двери:

– Остановите его. Даже если я умру сегодня. Я буду не последний.

8

Череп под куполом

После разговора с Гамбрини я ушел из цирка – пообедать. Это можно было бы сделать и там – ресторан в фойе уже открылся, но мне не хотелось оставаться – честно говоря, только что произошедшая беседа раздосадовала меня. Я-то считал, что достаточно будет подсмотреть реакцию артиста, проследить за его рефлексам, и я получу нужные мне ответы. Что Гамбрини окажется тем самым злодеем, в виновности которого я сам себя убедил с легкостью, наблюдая его вспыльчивость. Да и внешний вид этого чернявого некрасивого человечка, несомненно, повлиял на мою уверенность в его вине. Однако все пошло совсем не так. Конечно, Гамбрини мог играть, обманывать меня. Но все же иллюзионист показался убедительным в своем страхе и своей усталости. Впрочем, тарелка горячих щей, селедка, бефстроганов с картошкой и бутылка портера успокоили меня. Вернулся я в цирк за полчаса до представления, когда публика уже начала съезжаться – бульвар наполнился крытыми экипажами, толпой в шубах и теплых пальто на ватине. Внутри гардеробщики еле успевали принимать целые кипы тяжелого одеяния, ленты шарфов и горки шапок. Сдав свое пальто, я прошел в зал, обогнул арену и скользнул за кулисы. Тут царил

ло понятное оживление, и на меня никто не обращал внимания. Униформисты складывали реквизит по порядку номеров, артисты, уже одетые в свои яркие костюмы, загримированные, напряженные, распределялись по двум партиям – для выхода на парад-алле. Шпрехшталмейстер сидел на табуретке у кулисы и курил папиросу, вяло переговариваясь со старшиной униформистов. Ни Гамбрини, ни Дурова я не увидел. Впрочем, отсутствие первого меня даже несколько обрадовало – я не знал, как теперь с ним держаться. А второго я собирался найти сам, помня, что Ванька рассказывал мне, что гримуборная дрессировщика почти напротив Гамбрини. Туда я и направился по центральному широкому коридору. Чем дальше от арены, тем меньше было суеты. Наконец, определив дверь Дурова, я постучал и, дождавшись приглашения, вошел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.